

Глава 7

Начинать надо со Старухи Джози. К маме Джеки сможет заехать потом.

Дом Джози стоял неподалеку от окраины города, по соседству со стоянкой подержанных автомобилей. Когда кто-то решал расстаться с машиной и не хотел закладывать ее в ломбард, он парковал ее на стоянке для старых машин, открывал дверь и во всю прыть бежал к забору, прежде чем его успевали настичь торговцы подержанными машинами. Покупать их товар никто никогда не приходил. Торговцы старыми машинами бегали между рядами автомобилей с распушенными перьями и вставшей дыбом шерстью. Они нежно поглаживали капот «тойоты сиенны», излучавший жар солнца пустыни, или с любопытством тыкали в бампер «фольксвагена гольфа», почти отваливавшийся от прыжков по рытвинам и закрепленный несколькими пластиковыми завязками. Ненасытные торговцы подержанными машинами двигались очень быстро, и иногда тот, кто хотел расстаться лишь с автомобилем, расставался с чем-то гораздо большим.

Джеки припарковала машину на улице, чтобы избежать путаницы с торговцами. У нее болел желудок, и не оттого, что она съела что-то плохое, а словно бы оттого, что она сделала что-то плохое. Правый бок кололо острой болью. Возможно, у нее разорвался аппендикс. Ведь так, верно?

Джеки была не на работе. Она окончательно простилась с обыденностью. В руке у нее была бумага, а в голове — смутные воспоминания о мужчине в светло-коричневом пиджаке с чемоданом из оленьей кожи в руках.

Джеки подошла к дому. Он представлял собой одноэтажное строение с верандой сочно-зеленого цвета и ухоженной лужайкой, которую в местном сухом климате приходилось поливать за счет какого-то другого заброшенного и всеми позабытого местечка. Лужайку

окружала полоса мелкого булыжника, сложенного в геометрические узоры, возможно, призванные отгонять злых духов, а может, так их разбросало землетрясение. От стоянки подержанных машин дом отделял высокий забор из металлической сетки, за которым торговец машинами, завывая, с первобытным восторгом прыгал по крышам автомобилей. Джеки открыла скрипучую железную калитку и вошла во дворик, где выстроились в ряд металлические кресла-качалки с полуистлевшими и почти добела выгоревшими на солнце подушками.

— Чем могу помочь?

Джеки обернулась. Перед ней стояло существо, которое трудно поддавалось описанию, хотя лучшим и наиболее противозаконным описанием могло послужить слово «ангел». Ангелы — это высокие бесполое существа, и все они носят имя Эрика.

— Я тут кое-что подстригало, — сказала существо. В руке оно держало секатор для живой изгороди и стояло у незасаженного участка земли. Рядом с ним не было никаких растений.

— Я ишу Старуху Джози, — ответила Джеки.

Существо едва заметно шевельнулось. Раздался треск больших крыльев, и сверкнула ослепительно яркая чернота, столь лучезарная, что Джеки показалось, будто у нее разорвется сердце.

— Джози? — произнесло существо. — Ну конечно. Она где-то здесь. Позвольте, я ее приведу.

— Ну хорошо. Спасибо вам, — ответила Джеки.

Существо осталось стоять.

— Я тогда просто постучу, да?

— Не надо, — откликнулась Джози. — Эрика меня привела. — Она шла со стороны заднего дворика, сгорбившись и опираясь на палку, и ее длинные волосы тонкими прядями свисали вниз, почти закрывая лицо. Но от ее тела веяло какой-то мощью, словно на скелет старухи narосли мышцы олимпийского чемпиона.

— Прекрасно, — сказала Джеки. — Спасибо, Эрика.

Существо так и не сдвинулось с места. Со стоявшего на улице дерева вспорхнула стайка птиц, гораздо большая, чем могло выдержать дерево. Птицы казались растерянными, они каркали и налетали друг на друга.

— Чем могу служить, юная Джеки Фиерро? — спросила Джози. — Наконец-то взяла выходной и решила отдохнуть?

— Не-а, просто захотела кое о чем вас расспросить. — Боль в боку усилилась. Наверное, и вправду разлился аппендикс. Наверное, она умрет. — У меня... э-э-э... проблема. Я подумала, может, у кого-то еще такая же проблема.

— У нас почти всегда такие же проблемы, как у всех, — заявила старуха. — А мы делаем вид, что это не так, так что каждый из нас думает, будто мы одиноки. Заходи в дом. — Она заковыляла к дому. Под мышкой у нее был какой-то парусиновый сверток с приставшими к нему комьями грязи.

Когда они очутились в прохладе дома, старуха положила его на кухонный столик и повела Джеки в гостиную.

— Садись, где нравится, — сказала хозяйка. — Тут все такое удобное, какого ты в жизни не встретишь.

Джеки выбрала кресло с цветастой обивкой.

— Ух ты! — вырвалось у нее, когда она утонула в мягко подавшихся под ее весом подушках. На какой-то момент боль исчезла. Комфорт был ответом на все жизненные проблемы. Он не решал их, но немного приглушал по мере того, как они усугублялись.

— Так ты хотела что-то у меня спросить? — поинтересовалась Джози, устроившаяся на диванчике, откуда хорошо был виден лежавший на кухонном столе сверток. Казалось, она что-то про себя считает, отбивая секунды ногой.

— Да. Что вы знаете о человеке в...

— Ах, подожди, дорогая.

Другое существо, столь же трудно поддающееся описанию, как и стоявшее снаружи, внесло кофе и тарелку с пирожными.

— Только за компанию, конечно. Кофе с пирожными. Будешь? — спросила Джози.

— Нет, спасибо.

— Нет? — нахмурилась Джози.

Существо, наверное, тоже нахмурилось. Это было трудно определить и, конечно же, невозможно описать.

— Точно нет.

— Точно нет? — покачала головой Джози. — Нет так нет. Если не хочешь кофе или пирожное, тогда не надо кофе с пирожными. Эрика, пожалуйста, унеси.

Существо исчезло. Скорее всего, они ушли. Наверное, Джеки не заметила, как они ушли. Джози метнула злой взгляд на сверток.

— Не смей, — произнесла она.

— Не смей что?

— Это я не тебе. Задавай свой вопрос.

— Джози, вы что-нибудь знаете о человеке в светло-коричневом пиджаке с чемоданом из оленьей кожи в руках?

— О человеке в светло-коричневом пиджаке? — В голосе Джози послышалось любопытство и, возможно, паника. Эрика вернулась. Обе Эрики. Они уселись на диванчик по обе стороны от Джози. Их лица выражали то, что люди иногда называют страхом. Нет, не страхом. Озабоченностью. Они выглядели озабоченными.

— Да, — ответила Джеки. — Человек. В светло-коричневом пиджаке. В руке чемодан из оленьей кожи.

Глаза ангелов вспыхнули, что было столь же странно наблюдать, сколь и трудно описать.

— Ах, дорогая, — отозвалась Джози. — Не знаю, стоит ли тебе меня об этом спрашивать. Ты уверена, что не хочешь пирожных?

— Нет, не хочу.

— Ну ладно, — сдалась Джози. — Тогда поговорим о человеке в светло-коричневом пиджаке с чемоданом из оленьей кожи в руках. — Она прижала левую руку к боку, словно там болело, но ее лицо не выражало боли. — Мы ничего о нем не знаем, — продолжала Джози. — Ни Эрика, ни Эрика. Конечно, Эрика никогда по-настоящему ничего ни о чем не знает, но Эрика милая, вот.

— Так вы о нем знаете или нет?

— Мы о нем знаем, мы просто ничего не знаем о нем. Нам известно, что он существует, вот и все, но его существование есть ограничение этого знания.

— Знание состоит из ограничений, — сказала та Эрика, которая никогда по-настоящему ничего ни о чем не знает.

— Вот это классно, — отозвалась Джеки. Она этого не подразумевала, но произнесла это таким тоном, чтобы все они поняли, что она этого не подразумевала.

— Да, это довольно классно, — согласилась та Эрика, которая «милая», полностью это подразумевая.

— Вот таким образом, — сказала Джози. — Мы много раз видели человека, о котором ты говоришь. Но мы не можем ничего о нем вспомнить.

Эрики печально кивнули.

— Мы даже не знали, что он мужчина, — произнесла Эрика, которая не милая. — Мы не можем различать пол.

Печалились они не поэтому. Их печаль не соотносилась с разговором. Она не соотносилась с заляпанным грязью свертком на кухонном столе.

— У меня была та же проблема, — призналась Джеки. — Забывала все, что о нем знаю, через несколько секунд после того, как это узнала. Это... не знаю. — Она попыталась найти словосочетание, которое смогло бы передать, насколько сильно последние двенадцать часов выбили ее из колеи. Ей было нужно описать это словами. — Хрень какая-то, — выпалила она вместо этого.

— Да! Да, хрень какая-то, — согласилась Джози. Лицо у нее обмякло, а губы пытались сложиться в улыбку.

ку, которая тотчас исчезала. Это вполне соотносилось с разговором.

Она подалась вперед и положила руку на ладонь Джеки.

— Эрика! Эрика! Мы можем немного поговорить с глазу на глаз?

Оба существа больше не сидели на диванчике. В окно Джеки увидела, как одно из них рассеянно ковыряет заросли ежевики, хотя голова его была чуть повернута в сторону Джеки — очевидно, оно пыталось подслушать.

— Джеки, есть вещи, которые я не могу тебе сказать. — Рука Джози все еще лежала на ладони Джеки. Другая ее рука была прижата к боку. — Не могу сказать потому, что они тайна, или же потому, что их невозможно облечь в слова, или же оттого, что я их не знаю. По большей части оттого, что я их не знаю.

Существует вселенная знаний, многие миры фактов и истории, но я почти ничего из этого не знаю. А многое из того, что я знаю, — не то, что мне известно, что я знаю, или думаю, что знаю. Например, как пахнут гренки. Как касаешься песка. Это не те факты, которые я поведаю любому или даже помыслю поведать любому.

Джеки не знала, что сказать. Она соглашалась со всем, что говорила Джози, но вместе с тем не придавала значения почти ничему из сказанного.

— О'кей, — только и смогла она произнести в конечном итоге.

— Все это для того, чтобы сказать, что я предпочитаю не рассказывать тебе кое-что из того, что знаю. Или я тебе вру. И я хочу, чтобы ты меня простила.

— Мы все чего-то хотим, — ответила Джеки.

Джози печально кивнула и встала, совершив сложное перемещение плоти, суставов и мышц.

— Идем со мной, — сказала она.

Джеки подчинилась. Они прошли на кухню. Джози не обратила внимания на лежавший на столе сверток, Джеки последовала ее примеру. Если Джози не собира-

лась выражать озабоченность чем-то, то и Джеки, черт побери, тоже.

Джози налила стакан воды путем отточенных манипуляций с буфетами, кранами и муниципальным водоснабжением. Ни на нее, ни на Джеки не произвело ни малейшего впечатления рукотворное чудо, при помощи которого так легко наливался стакан воды.

— Выпей, — сказала старуха, протягивая стакан Джеки. — Это поможет тебе от мигрени.

— У меня нет мигрени. У меня кое-что похуже. — Она начала поднимать вверх левую руку.

— Пей.

Джеки выпила.

— У меня все равно нет мигрени, — повторила она.

— Джеки, мне жаль, что это произошло с тобой в таком юном возрасте. Все те десятилетия, в течение которых ты держала ломбард, ты была такой молодой и не осознавала всю жестокость жизни за пределами столь же и даже более жестокой скорлупы юности.

— А сколько десятилетий? — спросила Джеки скорее про себя.

— Я знаю, что ты ищешь. Знаю, что произошло. Тебя ждут опасности. Ты можешь их не пережить. А если переживешь, то новая «ты», которая их пережила, не останется прежней «тобой», жившей до этого. В этом смысле ты перестанешь существовать, и мне очень жаль.

Сверток начал медленно подниматься над столом. Джози свернула в трубку каталог образцов и аксессуаров для пещерного и полостного дизайна, который с трудом влезал в почтовые ящики многих найт-вэйлцев, и треснула по свертку. Тот шлепнулся обратно на стол.

— Чертовски неблагодарно, — сказала она.

— Что именно? — спросила Джеки.

— Ничего. Именно ничего. Мужчина в светло-коричневом пиджаке явился из опасного места. Оттуда, куда никто не может пойти и откуда никто не может вернуться. Вот что мы думаем.

Джеки протянула левую руку. В ней был листок бумаги с названием места.

— Вы тоже?

— Нас много. Мы не уверены в том, что происходит. Нам нужно знать больше.

Джози швырнула листок на стол и села на кухонную табуретку, снова держа его в руке.

— Откуда начнем? — спросила Джеки.

Джози ответила. Джеки выругалась в ответ, но потом извинилась.

— Библиотека, так-так, — рассуждала Джеки. — Нет. Это... Это... — Она показала руками, что это.

— В поисках правды мы заходим в опасные места, — сказала Старуха Джози. — Зачастую мы попадаем в самое опасное место — в библиотеку. Знаешь, кто это сказал? Нет? Джордж Вашингтон. За несколько минут до того, как его сожрали библиотекари.

Джеки открыла входную дверь. Боль в животе на мгновение прошла — или, возможно, всего лишь стихла под натиском нетерпеливых мыслей о библиотеке.

Из полумрака дома наружный дворик казался таким ярким и далеким. Эрики продолжали заниматься работой в саду. На заднем дворе красовалась яма, которую одна из них начала закапывать. Они стояли неподвижно, что-то бормоча в сторону ямы, и вокруг выкопанной земли обвивался яркий черный свет, толкая грунт обратно в углубление.

Вокруг Джеки обвились чьи-то руки. Джози обнимала ее, но стояла как-то не так, к тому же они были разного роста. На мгновение обе они застыли в неестественном объятии, не желая признавать неуместность проявления чувств.

Когда Джеки подумала, куда ей придется идти, она не почувствовала страха, но остро ощутила всю неосязаемость, весь набор мыслей и привычек Джеки Фиерро. Как легко можно было все их забрать и переместить в другую форму материи.

— Держись подальше от этого человека. Не пытайся следовать за ним в его город. Это ловушка.

— Джози, я не могу с этим жить, — ответила Джеки, глядя на зажатый в руке листок бумаги.

— Все будет хорошо, — сказала Старуха Джози. — Обязательно.

Она крепче обняла ее, и Джеки не сопротивлялась, позволив утешить себя. Живот больше не болел или болел как-то по-другому.

— Это было вранье, — призналась Джози. — Это одни из тех моментов, когда я соврала.

— Я знаю, — кивнула Джеки. — Все нормально.

Она тоже врала.

Глава 8

Диана заправляла машину бензином, когда увидела Троя. Она не приблизилась к нему, а он ее не заметил. Она не видела Троя пятнадцать лет и вообще не хотела его видеть.

Пытаясь вернуть заправочный пистолет на место, она все время его роняла, потому что у нее тряслись руки. Она вообще ничего не чувствовала, однако не могла унять дрожь в руках. Когда же подняла взгляд, Трой уже исчез. Он сел в свою машину (белый седан с разбитым задним фонарем) и уехал, ни разу не взглянув на нее. Диана заставила себя стоять смирно и дышать ровнее, пока ее руки не перестали трястись. Как только дрожь унялась, она водворила пистолет на место, нарочито медленно открыла дверь машины и отъехала, не превышая скорости. Все это время она чувствовала себя прекрасно.

Несколько недель спустя она заехала в банк, чтобы взять денег для сбора средств в пользу Ассоциации родителей. За одним из столов сидел Трой в темном костюме и с пластиковым именованным бэджиком. Она попыталась незаметно прочитать имя на бэджике, чтобы убедиться, что это он, но ей не удалось этого сделать.